

ЛИНГВИСТИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 128–133
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 128–133
<https://bonjour.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-128-133>

Научная статья
УДК 811.161.1'373.611

Роль исторических и диалектных данных в интерпретации явлений современного словообразования

О. Ю. Крючкова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

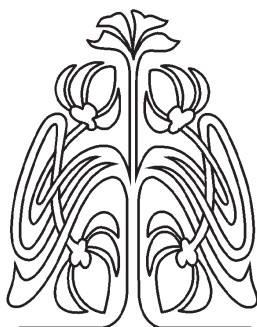
Крючкова Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории, истории языка и прикладной лингвистики, vpks@rambker.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2814-4095>

Аннотация. В статье развивается идея о необходимости привлечения исторических и диалектных данных к анализу явлений современного словообразования. Сопоставление фактов современного литературного языка, письменной истории языка, современной диалектной речи позволяет с наибольшей объективностью охарактеризовать лингвистический статус деривационных единиц, моделей, подсистем, реконструировать полную картину их бытования в национальном языке, лучше понять направления языковой динамики и деривационный потенциал языка. Данный подход иллюстрируется автором на примере образования имен прилагательных на *-овский* в русском языке. Вопрос о словообразовательной структуре таких прилагательных является дискуссионным. Аффиксальная часть имен прилагательных на *-овский* определяется либо как суффиксальная последовательность, состоящая из двух самостоятельных формантов, либо как суффикс *-ск-*, осложненный интерфиксом *-ов-*, либо как вторичный (производный) суффиксальный морф с наращением. Картина структурно-семантических связей рассматриваемых прилагательных в современном русском литературном языке разнородна и не дает преимуществ ни для одной из названных интерпретаций. Рассмотрение имен прилагательных на *-овский* в комплексе данных современного русского литературного языка, его истории и территориальных диалектов служит основанием для следующей интерпретации комплекса *-овск-*: на современном этапе развития русского языка последовательность *-ов/ск(ий)* представляет собой морфемный комплекс, сформировавшийся на основе древней модели суффиксального удвоения относительно-притяжательных суффиксов *-ов(ый) + -ск(ий)*. Морфемный комплекс *-ов/ск(ий)* функционирует в современном русском языке как членимый бисуффиксальный формант, не образовавший до настоящего времени единой морфемы – сложного суффикса. Морфемный комплекс, в отличие от сложного суффикса, легко членился на составляющие, служит базой для развития процессов редеривации.

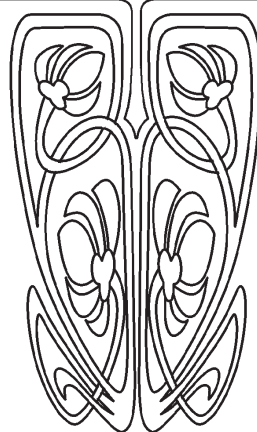
Ключевые слова: словообразование, история русского языка, русская диалектология, имена прилагательные, суффиксация, морфемный комплекс

Для цитирования: Крючкова О. Ю. Роль исторических и диалектных данных в интерпретации явлений современного словообразования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 128–133. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-128-133>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

The role of historical and dialectal data in interpreting the modern word-formation phenomena

O. Yu. Kryuchkova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Olga Yu. Kryuchkova, vpks@rambker.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2814-4095>

Abstract. The author proposes the idea that it is necessary to draw on historical and dialectal data in the analysis of the modern word-formation phenomena. The comparison of the modern Russian literary language facts with those of the written language history and the modern dialect speech allows to estimate, with maximum objectivity, the linguistic status of the derivative units, models, subsystems, as well as to reconstruct the whole picture of their usage in the national language and to better understand the directions of linguistic dynamics and the derivational potential of the language. This approach is illustrated by the formation of the adjectives ending with *-ovskij* in the Russian language. The question of the word-formation structure of such adjectives is debatable in the modern derivatology. The affixal part of the adjectives ending with *-ovskij* is defined in different ways: 1) as a suffixal sequence including two different formants, 2) as a suffix *-sk-*, complicated with the interfix *-ov-*, 3) as a derived suffixal morph with accumulation. The picture of structural and semantic connections of the above-mentioned adjectives in the modern Russian literary language is complicated, heterogeneous and does not give precedence to any of these three interpretations. The analysis of the adjectives ending with *-ovskij* in the complex of the modern Russian literary language data, its history and the modern territorial dialects, gives ground to the following interpretation of *-ovskij* complex. At the modern stage of the Russian language development the sequence *-ov/sk(ij)* is a morphemic complex, that has developed on the basis of the ancient suffixal duplication model of the relative and possessive suffixes *-ov(yj) + -sk(ij)*. The morphemic complex *-ov/sk(ij)* is functioning in the modern Russian language as a single polysemantic segmented bisuffixal formant, which has not formed, up to now, a unified morpheme – a complex suffix. A morphemic complex, as opposed to a complex suffix, is easily divided into components and provides a basis to re-derivation processes.

Keywords: word-formation, the Russian language history, the Russian dialectology, adjectives, suffixation, morphemic complex

For citation: Kryuchkova O. Yu. The role of historical and dialectal data in interpreting the modern word-formation phenomena. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 128–133 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-128-133>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Мысль о необходимости изучения явлений синхронного словообразования в широком контексте языковой современности (в сопоставлении со взаимодействующими («родственными») языковыми системами) и на фоне исторических данных отчетливо заявлена в теоретической дериватологии (см., например, работы Н. М. Шанского, О. Н. Трубачёва, Г. А. Николаева, И. С. Улуханова, Э. П. Кадькаловой, О. И. Дмитриевой). Ср.: «Объяснение, опирающееся только на факты современного литературного языка, принципиально отличается от объяснения с использованием фактов других языковых систем (языка предшествующих эпох, диалектов, родственных языков)» [1, с. 115]; «Что касается систематического (последовательного) в границах изучаемого явления обращения к истории языка, в том числе и при анализе любого синхронного его среза, то это безусловно рентабельная и высокоинформативная методика» [2, с. 238]; «Многие статично изученные словообразовательные явления и факты часто выстраиваются в систему при обращении к их динамическому исследованию» [3, с. 56].

Однако в лингвистической практике данные современного русского словообразования все еще не часто соотносятся с данными историческими, по-прежнему актуально замечание И. С. Улуханова: «...исследования, в которых один и тот же материал... рассматривался бы одновременно с синхронной и диахронической точек

зрения, весьма немногочисленны» [1, 19]. Еще реже к описанию явлений словообразования привлекается материал русских народных говоров. Словообразовательная грамматика (правила словообразования) строится почти исключительно на базе фактов литературного языка в отрыве от его генетической основы – диалектной речи. Вряд ли такой подход можно признать оптимальным, отвечающим объективной историчности языка, многообразию его социально-территориальных форм существования. Заметим, что обращение к диалектным данным позволяет в ряде случаев найти звено, связующее историю и современность, если такая связь не выявляется при наблюдении за фактами литературного языка.

Например, отсутствие деривационных моделей с вторичной приставкой *за-* в современном русском литературном языке на фоне представленности (хотя и слабой) дериватов этой модели в письменных памятниках предшествующих периодов истории русского языка (*заозлобити, заповелевати, запомышляти, започинивати, запровадити, запродавати, запотешить, заприйти, зауверить*) получает свое объяснение и складывается в стройную картину при изучении диалектных данных. В диалектной речи вторичная приставка *за-* относится к числу активно используемых средств словообразования: в Словаре русских народных говоров [4] содержится около 100 лексических единиц с вторичной приставкой

за-, зафиксированных на разных территориях, в говорах разных типов. Сопоставление фактов современного литературного языка, письменной истории языка, современной диалектной речи позволяет охарактеризовать жизненный цикл моделей, включающих вторичную приставку за-: зародившись в разговорно-просторечной среде, получив некоторое распространение в письменности в период расширения ее жанрово-стилистических границ и неустойчивых норм (образования со вторичной приставкой за- фиксируются прежде всего в текстах деловой письменности XVI–XVIII вв.), соответствующие модели сужают сферу своего распространения, локализируются в территориальных говорах в эпоху стандартизации письменного языка, формирования литературной нормы [5]. Опираясь исключительно данными современного литературного языка, мы вынуждены были бы констатировать несвойственность русскому языку моделей с усложняющей приставкой за-, что искажает объективную картину русского словообразования.

Остановимся далее на анализе словообразования имен прилагательных на *-овский/-евский*, привлекая к интерпретации синхронных словообразовательных отношений единиц русского литературного языка исторические и диалектные данные.

Вопрос о словообразовательной структуре имен прилагательных на *-овский* (морф *-евск-* далее для краткости не указывается) и характере этого морфемного сегмента неоднократно становился предметом обсуждения (см., например, [6–8]). Дискуссия относительно лингвистического статуса элемента *-овск-* (суффиксальная последовательность, состоящая из двух самостоятельных формантов; суффикс *-ск-*, осложненный интерфиксом *-ов-*; вторичный (производный) суффиксальный морф с сегментным видоизменением – наращением?) разворачивалась исключительно в плоскости литературноцентрической синхронии, что в значительной мере препятствовало объективной оценке данного аффиксального комплекса.

Анализ прилагательных на *-овский*, фиксируемых словарями современного русского литературного языка, дает следующую картину их структурно-семантических связей. Прилагательные на *-овский* в ряде случаев соотносительны с прилагательными на *-ов* и *-овый* (*атамановский* – *атаманов*, *дедовский* – *дедов*, *гутенберговский* – *гутенбергов*, *ерундовский* – *ерундовый*, *аэропортовский* – *аэропортовый*, *гобеленовский* – *гобеленовый*, *банковский* – *банковый*, *рентгеновский* – *рентгеновый*, *клановый* – *клановский*, *люксовый* – *люксовский*, *портовый* – *портовский*), что дает основание интерпретировать прилагательные на *-овский* как производные от

соответствующих односуффиксных прилагательных с суффиксом *-ов-* и вычленять в них суффиксальную последовательность, состоящую из двух самостоятельных формантов *-ов-* + *-ск-*.

Среди новообразований второй половины XX – начала XXI в. отмечается значительное количество прилагательных с элементом *-овск-*, активно присоединяющимся, в частности, к новым сложным и сложносокращенным существительным и именам собственным, ср.: *бамовский*, *вазовский*, *вузовский*, *джазовский*, *детсадовский*, *DOS-овский*, *жигулевский*, *йоговский*, *камазовский*, *лесхозовский*, *мазовский*, *натовский*, *пентагоновский*, *тюзовский*, *учхозовский*, *физтеховский*, *юаровский*, *ооновский*, *взиковский*, *мхатовский*, *ридберговский*, *брэгговский*, *ибсеновский*, *шопеновский* и т.п. Такие прилагательные не имеют соотносительных форм на *-ов* и *-овый*, что дает повод усматривать в подобных производных единый формант *-овск-*, природа которого остается, однако, не вполне ясной (морф с интерфиксальным (или иной природы?) наращением или сложный суффикс, образованный путем сращения ранее двух самостоятельных словообразовательных аффиксов; морфемный комплекс?).

Наконец, в современном русском языке прилагательные на *-овский*, не имеющие параллелей на *-ов* и *-овый*, коррелируют с однокорневыми прилагательными с суффиксом *-ск-* (*исполкомовский* – *исполкомский*, *месткомовский* – *месткомский*, *пульмановский* – *пульманский*, *совнаркомовский* – *совнаркомский*, *аэроклубовский* – *аэроклубский*, *интернетовский* – *интернетский*, *совдеповский* – *совдепский*), что дает основание для интерпретации прилагательных на *-овский* как интерфиксально осложненных форм.

Такова синхронная картина структурно-семантических связей прилагательных на *-овский*, которая вряд ли может дать непротиворечивый ответ на вопрос о функциональном статусе последовательности *-овск-*.

Обратимся далее к истории имен прилагательных анализируемой структуры.

В древнерусский период формируется модель вторичного присоединения суффикса *-ьск-* к первичнопроизводным основам прилагательных с суффиксом *-ов-*, образованных как от одушевленных, так и от неодушевленных имен существительных: *поповый* – *поповский*, *рядовой* – *рядовской*. Эта модель увеличивает продуктивность в старорусский период. В памятниках XV–XVII вв., по свидетельству Словаря русского языка XI–XVII вв. [9], фиксируются такие синонимические производные, как *бунтовый* – *бунтовской*, *верховой* – *верховский*, *вѣчевой* – *вѣчевский*, *вожевой* – *вожевский*,

волховъ – волховский, домовый – домовский, кожевниковъ – кожевниковский, львовъ – львовский, мартовый – мартовский, мысовой – мысовский, низовой – низовский, отцовъ – отцовский, помѣщиковъ – помѣщиковский, пустовой – пустовской.

Вторичное присоединение адъективного форманта *-ьск-* к основам прилагательных с суффиксом *-ов-* поддерживало семантико-словообразовательные процессы, имплицитно развивавшиеся в первичных суффиксальных производных. Почвой для вторичного суффиксального осложнения атрибутивных основ, содержащих суффикс *-ов-*, стало, по-видимому, начавшееся в древнерусский период семантическое расщепление этого форманта на притяжательный и относительный [10, с. 200]. В древнерусском языке в основах на *-ов-* более активно, чем в основах, осложненных другими адъективными формантами, формируется относительное значение [11, с. 227, 236]. Поссесивное значение суффикса *-ов-* явственно выступало при мотивирующих именах собственных, относительное – при мотивирующих нарицательных, ср.: Христовъ, но: круговой [12–14].

Суффикс *-ов-* относился к общеславянскому фонду словообразовательных средств (был выделен из существительных древнего типа склонения на **й*), широко употреблялся как в составе именных, так и в составе местоименных основ, и отличался неоднозначностью и семантической неустойчивостью. В этих условиях присоединение вторичного относительно-притяжательного суффикса *-ьск-* к первичному поссесивному суффиксу *-ов-* способствовало транспозиции именной формы поссесива в местоименную и усилению относительно-качественной семантики у местоименных форм имен прилагательных. Ср., например, в следующих контекстах поссесивное значение у именных односуффиксных форм прилагательных и относительно-качественное значение у однокорневых местоименных форм с суффиксальным удвоением: Еванове попове [надпись о чем-то, принадлежащем попу Ивану]. Берест. гр. XIII–XIV вв. Но: Нам же всѣмъ въходящемъ съ Епифанъмъ въ цркъвь, имяхъ мысль бѣжати, тяготу творя брѣмя поповское. Усп. сб. XII–XIII вв.

В старорусском языке удвоение относительных суффиксов *-ов-* + *-ск-* способствовало окачествлению относительной семантики суффиксально неудвоенных прилагательных или же создавало дублетные формы, предназначенные для реализации широко распространенного в то время приема варьирования средств выражения одного и того же содержания (см.: [15]), ср.: бунтовый ‘относящийся к бунту, возмущению;

призывающий к бунту, возмущению’ (общая относительность) – бунтовской ‘выступающий против власти, побуждающий к неповиновению, производящий бунт’ (характеризующая относительность); вѣчевский ‘то же, что вѣчевой’.

С середины XIX в. суффиксальные удвоения приобретают формантные функции и применяются в акте словопроизводства как целостные морфемные комплексы (ср.: в 1-й половине XIX в. образования с суффиксом *-ов-* еще функционировали шире, чем образования с производным формантом *-овск-* от тех же основ, см.: [16, с. 312–313]).

Ослабление мотивационных связей между притяжательными прилагательными на *-ов* и прилагательными на *-овский* в этот период свидетельствует об угасании продуктивности древней модели «одуш. сущ. + суфф. *-ов(ъ)* с притяжательно-относительным значением + суфф. *-ск(ий)* с относительно-притяжательным значением» в пользу широкозначного бисуффиксального формантного комплекса *-ов/ск(ий)*. Вместе с тем увеличение продуктивности удвоенного адъективного форманта *-овск-* способствует также расширению словопроизводственной базы суффикса *-ов-* и служит в современном русском языке основой для дальнейшего развития сложившейся еще в старорусский период модели суффиксального удвоения «неодуш. сущ. + *-ов(ый, -ой)* + *-ск(ий)*».

В русском языке национальной эпохи (начиная с XVIII в.) модель удвоения относительных суффиксов *-ов(ый)* + *-ск(ий)* наполняется новым функциональным содержанием, продуцируя стилистически дифференцированные лексемы. Сосуществующие в современном дискурсе односуффиксные прилагательные на *-ов* и *-овый* и суффиксально удвоенные однокоренные параллели на *-овский* обычно резко различаются своей употребительностью, и менее употребительные лексемы выступают как стилистически маркированные единицы. Ср.: 133 употребления со словом *гобеленовый* в Национальном корпусе русского языка [17] и 4 вхождения прилагательного *гобеленовский*, *дедов* (1528 вхождений в НКРЯ) в сравнении с *дедовский* (833 употреблений) *ерундовый* (112 вхождений) и *ерундовский* (13), *клановый* (362) и *клановский* (1), *люксовый* (70) и *люксовский* (19), *портовый* (1840) и *портовский* (2), *рентгеновый* (1) и *рентгеновский* (1480), *банковый* (403) и *банковский* (5296), *аэропортовый* (34) и *аэропортовский* (79).

Функционально-стилистическая дифференциация свойственна также и параллельным образованиям на *-овский* и *-ский* (типа *месткомовский* – *месткомский*). Однако если в параллелях на *-овый* и *-овский* функционально-сти-

лигистические характеристики односуффиксных и суффиксально удвоенных прилагательных неоднотипны (функционально ограниченными могут быть как прилагательные на *-овый*, так и прилагательные на *-овский*), то в парах на *-овский* и *-ский* функциональное распределение односуффиксных и суффиксально удвоенных прилагательных более последовательно (хотя тоже не абсолютно). Однокоренные прилагательные на *-овский* и *-ский* соотносятся чаще как узуальные и окказиональные соответственно (во всяком случае, образования на *-ский* значительно менее употребительны). Показательны, например, следующие соотношения: *исполкомовский* (52 употребления в НКРЯ) – *исполкомский* (28), *месткомовский* (14) – *месткомский* (1), *пульмановский* (74) – *пульманский* (2), *совнаркомовский* (21) – *совнаркомский* (5), *интернетовский* (129) – *интернетский* (9), *совдеповский* (41) – *совдепский* (20).

Предпочтение суффиксально осложненных форм с позиций синхронии могло бы быть объяснено морфонологическим удобством, однако наличие форм на *-ский* свидетельствует об отсутствии строгого морфонологического запрета на их образование (ср., например: частотное *ельцинский* (514 вхождений в НКРЯ) и окказиональное *ельциновский* (1 употребление в НКРЯ)).

Картина структурно-семантических отношений имен прилагательных на *-ов/-овый*, *-овский*, *-ский* в русском языке дополняется данными русских народных говоров. В составе диалектной лексики, представленной в Словаре русских народных говоров [4], отражены все отмеченные на материале литературного языка корреляции: пары однокорневых прилагательных на *-ов/-овый* и *-овский* (*Спасов* – *Спасовский*, *княжевый* – *княжевский*, *кочетовый* – *кочетовский*), параллели на *-овский* и *-ский* (*родителейский* – *родительский*, *татаровский* – *татарский*, *безотцовский* – *безотческий*, *Ивановский* – *Иванский*), бытующие как в одних и тех же говорах, так и отмеченные на разных территориях, а также образования на *-овский*, не имеющие односуффиксных соответствий (*заправдовский*, *злыдовский*, *зловский*, *некаковский*, *растаковский*, *лешаковский*, *батраковский*, *батьковский*).

Семантические отношения между параллельными однокорневыми производными прилагательными разнообразны. Такие производные функционируют в говорах как внутридиалектные или междиалектные дублиеты: *маёвый/маёвский* 'родившийся в мае', *князевый/князевский/князеский* 'княжеский', *комаровый/комарёвский* 'комариный', *жарков/жарковский* 'бывающий летом (о лове рыбы)', *плясковой/пля-*

сковский 'плясовой (о песне)', *орловый/орловский* 'орлиный', *сыновый/сыновский* 'принадлежащий сыну', *кузнецовый/кузнецовский* 'принадлежащий кузнецу', *безотцовский/безотческий* 'не имеющий отца'.

Нередко между однокорневыми разносуффиксными коррелятами наблюдаются семантические различия, не противоречащие, однако, впечатлению о деривационной вторичности суффиксально усложненных образований (на *-овский*), ср.: *годовой* 'ожидаемый в течение года (об озимых)' – *годовский* 'предназначенный для годовых праздников, парадный'; *адово* 'что-л. злое, нехорошее' – *адовский*: в выражении *адовские мужички* 'неповоротливые, ленивые, бестолковые'; *таковый* 'хороший, надежный' – *таковский* 'плохой, не стоящий внимания, хорошего обращения'.

Отмечается также семантическая дифференциация параллельных образований по линии «посессивное – относительно-качественное значение» (точнее – большего тяготения к указанному семантическим разновидностям), особенно в кругу производных от имен лиц и имен собственных, ср.: *княже/княжевский* 'принадлежащий князю' – *княжевый/княжеский* 'свадебный поезд; свадебный обед'; *Митрев день* 'религиозный праздник в честь святого Дмитрия' – *Митревская суббота* 'суббота перед Дмитриевым днем'; *Введеньев день* 'то же что Введенье, праздник введения в храм Богородицы' – *Введеньевский* 'относящийся ко времени праздника Введенья' (напр.: *Введеньевские морозы*); *Прокопьев день* 'день святого великомученика Прокопия' – *Прокопьевская ярмарка* 'ярмарка в Прокопьев день'; *Михайлов день* 'религиозный праздник в честь святого Михаила' – *Михайловская сельдь* 'сельдь, появляющаяся у берегов с Михайлова дня', *Михайловские морозы* 'морозы на Михайлов день'; *Спасов* 'относящийся, принадлежащий Спасу' (*Он Спасову образу не молится, И Владимиру князю челом не бьет*), *Спасов день* – *Спасовский* 'относящийся к Спасу' (*Спасовские яблоки; Спасовские мухи; Спасовская рыба*).

Таким образом, наблюдаемые в русских народных говорах отношения имен прилагательных на *-ов/-овый* и *-овский* подтверждают описанный выше исторический путь прилагательных на *-овский*, формирование моделей «одуш. сущ. + *-овск(ий)*», «неодуш. сущ. + *-овск(ий)*» на основе вторичного присоединения адъективного форманта *-ьск-* к основам прилагательных с суффиксом *-ов/-ов(ый)*. Диалектный материал показывает также развитие тех же тенденций, что и в литературном языке: свертывание модели суффиксального усложнения, членимость форманта *-овск(ий)*.

Рассмотрение имен прилагательных на *-овский* в совокупности данных современного русского литературного языка, его истории и современных территориальных диалектов дает основание для следующей интерпретации комплекса *-овс-*: на современном этапе развития русского языка последовательность *-ов/ск(ий)* представляет собой сформировавшийся на основе древней модели суффиксального удвоения *-ов(ый) + -ск(ий)* членимый морфемный комплекс, функционирующий как единый полисемантический бисуффиксальный формант. Членимость формантного комплекса *-ов/ск(ий)* подчеркивается как наличием односуффиксных параллелей на *-овый* и *-ский*, так и функциональной вариативностью соотношения однокоренных коррелятов. Исторические и функциональные данные позволяют также предположить деривационную вторичность для ряда прилагательных на *-ский*, соотносительных с прилагательными на *-овский* (типа *месткомовский – месткомский*). Образования на *-ский* могут возникать в результате редеривации (обратного словообразования) на базе исторически сформированного устойчивого морфемного комплекса, не образовавшего до настоящего времени единой морфемы – сложного суффикса. Морфемный комплекс, в отличие от сложного суффикса, легко членился на составляющие, служит базой для развития процессов редеривации.

Список литературы

1. Улуханов И. С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка. М. : ИЦ «Азбуковник», 2005. 314 с.
2. Кадьякалова Э. П. Выход в теорию словообразования : к вопросу о соотношении понятий словообразовательная производность и словообразовательная мотивированность. Саратов : Буква, 2015. 341 с.
3. Дмитриева О. И. Проблема динамического исследования словообразовательных подсистем русского языка // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка : материалы III Республиканского научного семинара (Саратов, 18–21 ноября 2009 г.). Саратов : ИЦ «Наука», 2009. С. 54–63.
4. Словарь русских народных говоров. М. : Л. : СПб. : Наука, 1965 –.
5. Крючкова О. Ю. Вторичная приставка *за-* в русских народных говорах // Диалектная лексика-2016 (К 90-летию со дня рождения О. Д. Кузнецовой) / отв. ред. О. Н. Крылова, С. А. Мызников, Ин-т лингв. иссл. РАН. СПб. : Нестор-История, 2016. С. 251–267.
6. Дементьев А. А. О так называемых «интерфиксах» в русском языке // Вопросы языкознания. 1974. № 4. С. 116–120.
7. Земская Е. А. Принципы сегментации производных слов // Актуальные проблемы русского словообразования. Ученые записки Ташкентского педагогического института. 1975. Т. 143, № 1. С. 33–41.
8. Лопатин В. В. Так называемая интерфиксация и проблемы структуры слова в русском языке // Вопросы языкознания. 1975. № 4. С. 24–37.
9. Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1975 –.
10. Лопатин В. В., Улуханов И. С. Структура славянской морфемы в синхронном и диахроническом аспектах // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. София, сентябрь 1988. Доклады советской делегации. М. : Наука, 1988. С. 190–206.
11. Зверковская Н. П. Параллельные прилагательные с суффиксами *-ов-* и *-ын-* (на материале памятников XI–XV вв.) // Лексикология и словообразование древнерусского языка : сб. ст. / отв. ред. Р. И. Аванесов. М. : Наука, 1966. С. 224–237.
12. Фролова С. В. К вопросу о природе и генезисе притяжательных прилагательных русского языка // Ученые записки Куйбышевского государственного педагогического института им. В. В. Куйбышева. 1960. Вып. 32. С. 323–337.
13. Васильева В. Д. К вопросу о суффиксальной синонимии в системе образования относительных прилагательных в древнерусском языке XI–XVII веков // Диалектология и историческая грамматика : сборник статей преподавателей кафедр рус. яз. Иван., Костром., Шуйского и Яросл. пед. ин-тов. Ярославль : Верхне-Волж. кн. изд., 1970. С. 169–177. (Вопросы русского языка. Вып. 1).
14. Полякова Е. Н. Роль лексики в развитии словообразовательной системы (по материалам пермских памятников XVII – начала XVIII веков и современных говоров) // Исследования по историческому словообразованию / отв. ред. И. С. Улуханов. М. : Ин-т русского языка РАН, 1994. С. 180–190.
15. Крючкова О. Ю. Редупликация как явление русского словообразования. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2000. 264 с.
16. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. М. : Наука, 1964. 600 с.
17. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 02.01.2022).

Поступила в редакцию 15.01.2022; одобрена после рецензирования 30.01.2022; принята к публикации 10.02.2022
The article was submitted 15.01.2022; approved after reviewing 30.01.2022; accepted for publication 10.02.2022